

ЛЕНА СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН **ГОЛД**

БЫВШИЙ МУЖ

ТЫ МЕНЯ НЕ ДОСТОИН

Лена Голд

Бывший муж. Ты меня недостойн

«Автор»

2026

Голд Л.

Бывший муж. Ты меня недостойн / Л. Голд — «Автор», 2026

— Сын подписал документы о разводе, — свекровь швыряет в меня документ и, схватив за волосы, тянет на выход. — Ты ему больше не жена! Моему сыну не нужна русская, он женится на «своей». Проваливай!***Меня выставили за дверь. Муж не появился, не заступился. Развелся со мной, как будто меня и не было. Спустя несколько месяцев я, наконец, нахожу работу. И вдруг узнаю, что мой бывший муж стал моим боссом. — У меня свадьба на носу. Не хочу из-за тебя проблем. Да и не беру я к себе баб с пузом. Нужна работа — избавься от выродка. Либо проваливай прочь. Интересно, бросил бы ты мне эту чушь в лицо, если бы знал, что у «не своей» под сердцем твой малыш? Будешь умолять, милый! А мы ещё посмотрим, кто кому не пара! Ты меня не достоин!

© Голд Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лена Голд

БЫВШИЙ муж. Ты меня недостойн

Глава 1

– То есть ты снова вернешься поздно? – интересуюсь у мужа, украдкой изучая его профиль.

Он стоит ко мне спиной, но я вижу, как напрягаются мышцы под рубашкой Джана. Ему совсем не нравится мой вопрос. Это сразу становится очевидным. Я закусываю губу и тяжело вздыхаю.

В последнее время между нами возникает слишком много разногласий, которые выбивают почву из-под ног и заставляют сомневаться, что мы будем счастливы вместе. Не понимаю, когда мы успели так отдалиться... Раньше понимали друг друга с полуслова. Сейчас же все иначе.

– Да. – Повернувшись ко мне лицом, он начинает завязывать галстук. – На сегодня запланирована важная встреча, Диана. А я сделаю все необходимое, чтобы заслужить доверие и уважение новых партнеров.

– Хорошо. – Кивнув, я подхожу вплотную, чтобы поправить воротник его рубашки. – Ни пуха ни пера, Джан. Надеюсь, ты останешься доволен результатом.

Муж сканирует меня пристальным взглядом секунд двадцать. А затем, тряхнув головой, наклоняется и оставляет на моих губах легкий поцелуй.

Будь моя воля, я бы обвинила его шею руками и никуда не пускала. Однако вряд ли Джан оценит мою инициативу. Когда дело касается бизнеса, муж сосредоточен по максимуму. И всегда хочет, чтобы все было на высшем уровне. Без осечек. Он никогда не довольствуется малым. Постоянно идет к новым вершинам, а я во всем его поддерживаю.

Джан покидает нашу спальню, забрав телефон, портмоне и ключи от автомобиля. А я отправляюсь в комнату дочери. Она сосредоточенно смотрит мультики на своем планшете. Но, когда я опускаюсь рядом с ней на диван, Айджан тут же поднимает на меня глаза.

– Кушать не хочешь, малыш? – спрашиваю я.

– Хочу, – тут же отзывается Бусинка, блокируя экран своего гаджета. – Моих любимых блинчиков хочу!

Она еще утром попросила испечь их для нее, а я просто не могла отказать.

На кухне мы проводим минут двадцать. Вдоволь наевшись, убираю со стола посуду, мою ее, и мы с дочерью поднимаемся обратно.

Завтра нужно вставать рано утром и отправляться в детский садик. Айджан послушная девочка, тихая. Но очень любопытная. Задаст много вопросов и, пока не удовлетворится ответом, не оставит человека в покое.

Убедившись, что дочь уснула, я тихо выхожу из ее комнаты и спускаюсь на первый этаж, где встречаю Марианну и тетю Самиру.

– Добрый вечер, – здороваюсь, присаживаясь напротив. Не могу не заметить, что они что-то обсуждали, но, едва я появилась, сразу же замолчали.

– Добрый, – отвечает Мари, широко улыбаясь. – Как ты, Диана? Выглядишь расстроенной.

Хмурюсь. Нет, я ничуть не расстроена. Наоборот. Сегодня Джан поцеловал меня перед уходом, и мы не ругались на ровном месте.

– Все нормально. – Сняв телефон с блокировки, я захожу в сообщения.

Борюсь с желанием отправить мужу СМС-ку. Но в последний момент себя одергиваю: ему это не понравится. Он ведь ясно дал понять, что встреча очень важная. Поэтому не буду отвлекать.

– С Джаном тоже все хорошо? – не отстает Мари.

– Конечно, – отвечаю ровно.

Мысленно прокручиваю в голове свои дальнейшие действия. Пойти бы в ванную и принять душ. Может, Джан вернется в хорошем настроении, и... наконец-то мы сблизимся?

Эта мысль немного поднимает мне настроение и придает веру в то, что между нами еще не все потеряно. Иногда во время ссор мне казалось, что вот-вот мы переступим черту и исправить что-либо станет невозможно. Однако как-то получалось сдерживать свои эмоции именно тогда, когда они накалялись до предела.

– Эй, ты куда? – спрашивает у меня тетя Самира. – Посидела бы с нами. Вон как общаемся хорошо.

– Я устала, – с вымученной улыбкой отвечаю я. – Пойду спать, если вы не против.

Они нехотя кивают, и я ухожу из гостиной.

На самом деле ничего подобного нет. Спать я еще не хочу. Просто необходимо остаться одной и поразмышлять... Уединиться.

Я люблю своего мужа. Очень сильно. Однако, как и в любой семье, иногда между нами возникают разногласия. Но в последнее время ситуация усугубилась. Джан стал слишком нервным и отстраненным. Даже на простые вещи реагирует всплывчиво, чего раньше не наблюдалось.

Пару раз на дочь голос повышал, когда Бусинка шумела во время его телефонного разговора. Такого он себе не позволял. До некоторых пор.

А еще он стал необоснованно ревновать. Даже к Шамилю – моему троюродному брату, с которым я жила под одной крышей несколько лет, когда училась в университете.

Знаете, на самом деле Джан может быть понятливым. Да только перемены в его настроении меня убивают...

После работы муж поднимается в свой кабинет. Затем несколько часов занимается делами, а когда возвращается, начинает придираться даже к элементарным вещам, которым ранее не придавал значения. Остается только догадываться, что с ним происходит. Потому что говорить со мной по душам он не хочет.

Приняв душ, я выхожу из ванной и первым делом сушу волосы. Они у меня длинные и прямые. Джан любит, когда я их укладываю.

Минут через двадцать я уже стою у огромного панорамного окна нашей спальни в бело-снежной сорочке на тоненьких бретельках и кусаю губы. Хочу, чтобы муж скорее приехал. Но он все не появляется.

Чтобы хоть как-то занять себя, я начинаю смотреть видеоролики в интернете. Однако вскоре устав от бессмысленного дела, снова подхожу к окну.

Рассматривая огни ночного города, я не слышу шагов и не замечаю, как муж заходит в нашу спальню. Слегка вздрагиваю, когда он, обняв меня за талию, притягивает к себе и впечатывает в свою грудь спиной. Прижимается губами к моей шее.

Я перестаю дышать. Джан всегда на меня так действовал – я буквально таяла в его руках, едва он прикасался ко мне и ласкал. Этого не было уже очень давно.

– Как прошла твоя встреча? – интересуюсь я, поворачиваясь к нему лицом, и кладу ладони на его плечи. Украдкой бросаю взгляд на настенные часы. Почти двенадцать ночи.

– Лучше и быть не могло, – хрипло отвечает он, играя с бретельками моей сорочки. И не сводит с меня темнеющих глаз.

Я приоткрываю рот и хочу еще что-то спросить, но замолкаю, когда он, наклонившись, впивается в мои губы. Целует жадно, голодно. Углубляет поцелуй, прижимая меня к себе еще плотнее. На языке тут же появляется вкус виски и горького шоколада...

Обвив шею мужа руками, я отвечаю ему с таким же напором. Боже... Как я соскучилась. Пусть между нами все станет как прежде. Пусть вся недосказанность останется в прошлом. Пусть у нас все будет хорошо...

Муж зарывается пальцами в мои волосы. Тянет их назад, освобождая шею, касается влажными губами бешено бьющейся венки. Сжимает зубами кожу. Меня кроет от эмоций от макушки до пяток. Дыхание учащается.

Я скольжу руками вниз, пытаюсь расстегнуть пуговицы его рубашки. Выходит не лучшим образом. Весьма коряво. Но все же мне удастся освободить его от одежды.

Джан укладывает меня на кровать, сам же нависает надо мной. Слегка улыбнувшись, он протяжно вздыхает, а затем утыкается носом мне в грудь.

– Джан... – перекаत्याю имя мужа на языке.

– М? – отзывается он. – Я пил, да.

И опять муж понимает меня с полуслова. На редкость удивительный день.

Да и не припомню, чтобы он употреблял алкоголь. Он его ненавидит. На дух не переносит.

Но сегодня... ничто не имеет смысла. Лишь темная ночь, наше тяжелое дыхание, его прикосновения... Хриплый шепот, ласковые слова, обещания...

Я буквально лечу в космос от того, как муж нежно обращается со мной. Как он аккуратен, несмотря на то, что иногда бывает очень нетерпелив.

– Джан... – шепчу я пересохшими губами и сразу облизываю их. – Я люблю тебя, слышишь?

Муж застывает. Еще пара движений – и пауза, которая длится секунд пятнадцать. Джан ложится рядом, укрывает нас одеялом. Затем прижимает меня к себе и, уткнувшись носом в макушку, велит:

– Спи, Диана. Завтра будет тяжелый день.

«Завтра будет тяжелый день», – вторит мне внутренний голос.

И я даже представить себе не могла, что муж имел в виду. Никогда бы не подумала, что моя жизнь разделится на «до» и «после». Ведь эта ночь была такой многообещающей. И я, как наивная дуручка, надеялась, что нашу семью не затронет ни одна проблема.

Но...

Я ошибалась.

Глава 2

Просыпаюсь от навязчивого звука будильника, пробивающегося сквозь сладкий, тяжелый сон. Медленно приоткрываю глаза. Веки кажутся свинцовыми – словно я спала не несколько часов, а всего пару минут. Ночь выдалась долгой, насыщенной и... невероятно нежной.

Сквозь плотные шторы, которые не до конца задернуты, пробиваются тонкие золотистые лучи утреннего солнца. Они мягко скользят по моему лицу, касаются ресниц, щек, будто кто-то ведет кистью с жидким светом. Я шурю, поворачиваюсь набок и тянусь к телефону на прикроватной тумбочке, чтобы выключить назойливый звонок.

Пальцы касаются гладкой поверхности... Взяв его, пялюсь в экран, но понимаю, что это не мой гаджет, а мужа. Незнакомый номер звонит уже третий раз, судя по пропущенным.

Джан спит рядом – весь такой спокойный, расслабленный, словно не он вчера был тем самым страстным, неумолимым, как зверь, что впивался в мои губы, ласкал мою кожу, нашептывал горячие слова. Сейчас он выглядит совсем иначе. На нем только тонкое одеяло, обнажающее сильное плечо и часть груди. Темные волосы чуть растрепались, прикрывая лоб. От его кожи исходит знакомый, родной аромат – смесь парфюма и чего-то исключительно мужского, пронзительно близкого.

Я не удерживаюсь. Поднимаюсь на локтях и, задержав дыхание, начинаю разглядывать его лицо. Делаю это внимательно, как в первый раз. Он красив. Безумно красив. Высокие скулы, четкая линия подбородка, тонкие губы, расслабленные во сне, и ресницы – длинные, густые, почти девичьи, отчего Джан сейчас выглядит моложе, почти мальчишкой.

Я протягиваю руку и едва-едва касаюсь его щеки подушечками пальцев. Теплая кожа... Снова провожу пальцами по пряди волос, откидываю ее со лба. Молча люблюсь им, стараясь запомнить каждую черту. Этой ночью он был со мной. Со мной по-настоящему. Я чувствовала это каждой клеточкой. И пусть день только начинается, я хочу верить, что это утро – новое начало для нас.

Я аккуратно опускаю ладонь ему на плечо. Сначала просто прикасаюсь, затем немного сжимаю, чтобы разбудить.

– Джан... – зову мягко, почти шепотом. – Поднимайся.

Он слегка ворочается, что-то бормочет неразборчивое. В этот момент снова срабатывает вибрация телефона в моей руке. Я смотрю на экран – тот же номер. Его мобильный продолжает надрываться, и теперь я уже не просто зову, а легонько встряхиваю мужа.

– Джан, тебе звонят. Вставай.

Он медленно открывает глаза. Взгляд сначала мутный, словно не сразу может понять, где находится. Но как только я протягиваю ему телефон, он садится в кровати с такой резкостью, что я едва не отскакиваю.

– Да... Да, здравствуй. – Его голос становится неожиданно деловым, хрипловатым, но собранным. – Да-да, конечно. Скоро буду.

Он мгновенно отключается, не дожидаясь дополнительных слов с другой стороны. Затем выдыхает, будто весь сон разом испарился.

– Я в душ, – бросает он, сбрасывая с себя одеяло и поднимаясь с кровати. – Быстро собери мне вещи. Я еду в командировку.

Он исчезает в ванной, оставляя за собой шлейф аромата. Звук падающей воды мгновенно заполняет спальню. А я... все еще сижу на постели, глядя на его телефон, который муж бросил на кровать. Чувствую, как что-то внутри начинает тревожно шевелиться. Будто тонкая трещина, появившаяся между нами раньше, вновь дает о себе знать.

Командировка?

Так внезапно? Без предупреждения?

Почему я об этом не знала?

Я оглядываю комнату. На подушке остался отпечаток его головы. Одеяло все еще теплое. В воздухе – следы нашей ночи. И все это, как ни странно, будто отдаляется. Становится неуловимым, зыбким... почти несуществующим.

Я поднимаюсь и начинаю собирать его вещи, стараясь не думать. Просто делаю то, о чем он просил. Хоть и понятия не имею, что именно класть в спортивную сумку. Надолго он уезжает или на несколько дней? Я тут с ума сойду без него. Тем более сейчас, когда его тетя здесь. Тетя, которая всеми силами пытается нас развести, так еще и убеждает мою свекровь, что это прекрасная идея.

Джан выходит из ванной. Горячий пар клубится за его спиной, вырываясь из приоткрытой двери. Высокий, мускулистый, с мокрыми, сбившимися в беспорядке темными волосами, он стоит на пороге. На бедрах лишь белое полотенце, небрежно обернутое вокруг бедер. Капли воды стекают по его груди, скользят по ключицам и исчезают где-то внизу, впитываясь в ткань. Джан выглядит сошедшим с обложки мужского журнала – до абсурдного идеален, но в его движениях уже нет той мягкости, что была ночью. Он стал другим.

Открывает шкаф. Действует быстро, как будто каждая секунда на счету. Срывает с вешалки черные брюки, затем белоснежную рубашку – безупречно выглаженную, с жесткими, идеально ровными манжетами и острыми уголками воротника. Не теряя времени, надевает одежду прямо на влажное тело. Рубашка тут же липнет к спине, и он раздраженно проводит ладонью по волосам, убирая их назад. Не обращает на меня никакого внимания. Словно меня вовсе нет в комнате.

Я же, как заведенная, собираю его вещи. Сортирую рубашки, проверяю носки, кладу смену обуви, бритву, парфюм. Знакомые, рутинные действия, но руки почему-то дрожат. Кажется, между нами протянулось невидимое стекло: я вижу его, я слышу, как он застегивает ремень, как хрустит ткань под пальцами... но дотронуться до него не могу.

– То есть ты уезжаешь надолго? – наконец спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Без упрека. Но внутри уже клубится тревога.

Он даже не оборачивается.

– Не знаю, – отвечает сухо. В этом одном слове – холодное раздражение. – Возможно, на пару недель. А может... на месяц.

На месяц?

Я обхватываю себя руками. В просторной, светлой комнате мне становится душно.

Джан застегивает последние пуговицы, ловко закрепляет наручные часы и наконец бросает взгляд в мою сторону. Он весь в деловой броне: аккуратный, собранный, недоступный. Совершенно не похож на того мужчину, который вчера прижимал меня к себе с такой нежностью, шептал, что соскучился, целовал, как в последний раз.

Где он? Куда делся?

– Джан... Что с тобой происходит в последнее время?

Его взгляд застывает на моем лице. Он молчит.

– У тебя проблемы на работе? Или что-то еще? – продолжаю, уже не пытаюсь скрыть дрожь в голосе. – Я не узнаю тебя. Ты стал отстраненным, холодным. Ты больше не делишься со мной ничем. Все время чувствую, что ты где-то далеко. Точнее, ты вроде бы рядом, но тебя нет. Мне страшно, Джан. И очень тревожно...

Молчание затягивается. Его взгляд – цепкий, колючий. Такой, каким он смотрит на тех, кто отвлекает его от дела. Так смотрят на посторонних.

– Все нормально, Диана, – отрезает коротко. Без интонации. И сразу разворачивается, дает понять, что разговор завершен.

Джан подходит ко мне, забирает чемодан, наклоняется, сухо целует меня в щеку и идет к двери. Выходит, не сказав ни слова.

Сердце грохочет. Разрывается. Лишь спустя какое-то время я выхожу следом. Подхожу к лестнице, но застываю на первой же ступени, услышав слова свекрови:

– Пора с ней поговорить. И наконец выкинуть из этого дома. Никто не сможет ей помочь. А когда приедет Джан... не найдет ее. Женится на другой, «своей».

Глава 3

Я стою на лестнице, сжимаю перила так, что костяшки белеют. Сердце колотится в висках, в горле, в каждом вдохе. Их голоса все еще звенят в голове: холодный и ядовитый свекрови, и ее сестры – с таким же вкрадчивым ядом в словах. Они говорят обо мне так, будто я вещь. Будто меня можно взять и... убрать в какой-нибудь нижний ящик. Просто вышвырнуть прочь.

Разворачиваюсь и почти бегом иду в комнату дочери. Дверь открываю тихо, чтобы не разбудить ее. Моя девочка спит, уткнувшись носом в подушку. Волосы мягкой волной рассыпались по щеке. Дышит ровно, спокойно...

Мой первый страх – не развод, не унижения, не даже та ледяная пустота, в которую превратился Джан. Нет. Первый страх – что они могут отнять у меня дочь.

Меня трясет.

Присаживаюсь на край кровати, слушаю дыхание малышки. В груди рождается что-то дикое, звериное. Если они хоть пальцем ее тронут... Осмелятся забрать у меня... Я сожгу этот дом к чертовой матери, не задумываясь о последствиях.

Поднимаюсь и иду в нашу с мужем спальню. Открываю шкаф, достаю свою небольшую сумку. Действую на автомате и достаточно решительно, несмотря на дрожь в руках. Сначала документы: мой паспорт, паспорт дочери, свидетельство о рождении. Все, что может понадобиться, если придется уйти отсюда. Складываю во внутренний карман, застегиваю на молнию. Наличка, карточки. Пару вещей дочери – теплую кофту, смену белья. Себе – только самое необходимое. И только потом аккуратно, бесшумно возвращаюсь к дочери и тихо закрываю дверь. Прячу сумку глубже под кровать, за старую коробку с игрушками. Это моя страховка.

Слышу тихий скрип пола в коридоре. Застываю, прислушиваясь. Тень скользит под дверь.

– Ну что, все идет как надо, – шепчет свекровь тете Самире. – Пусть пока ничего не подозревает.

Шаги удаляются, но внутри все взрывается.

«Все идет как надо»...

Что именно идет как надо? Джан уехал, я осталась одна... Они ждут момента?

Опускаюсь на колени рядом с кроватью, легко касаюсь плеча Айджан.

– Солнышко... пора вставать, – шепчу, целую теплую щеку.

Она сонно ворчит, зарывается лицом в подушку. Я улыбаюсь, хотя внутри все натянуто. В груди образовался тугой узел.

– Давай, моя зайка, у нас сегодня садик. Я помогу тебе одеться.

Сажая ее на край кровати, надеваю носочки, протягиваю через голову платице. Волосы растрепаны. Расчесываю их, собираю в два аккуратных хвостика. Мы идем в ванную, умываемся. Она фыркает от холодной воды, и на мгновение ее смех стирает из головы весь раздрай.

– Мам, а мы пойдем сегодня гулять после садика? – спрашивает, вытирая лицо полотенцем.

– Посмотрим, – отвечаю ровно. – Все зависит от погоды.

Возвращаемся в комнату. Я незаметно для нее достаю сумку, которую спрятала под кроватью. Держу ее так, чтобы она не обратила внимания. И не задала лишних вопросов. Дочь любопытная. Слишком любопытная для своих лет.

– Иди на кухню, зайка, я сейчас приду.

Она легко сбегает по лестнице, а я следом, но сворачиваю в гостиную. Никого. Быстро выхожу через боковую дверь, иду к машине, стараясь не выглядеть подозрительно. Открываю багажник, глубоко прячу сумку. Захлопываю, проверяю замок.

Возвращаюсь на кухню – ставлю перед дочерью тарелку с печеньем, наливаю чай. Она начинает есть, болтая ножками.

Не проходит и пары минут, как в помещение заходят свекровь и ее сестра. Смотрят... сначала на меня, потом на дочь.

Садясь за стол, разглядывают мою малышку. Я наливаю чай и им тоже. Плевать, будут пить или нет, просто пытаюсь быть такой же вежливой, какой была всю жизнь. Пусть не думают, что я что-то слышала. Буду втихаря готовиться к каждому их выпад. Бури мне не избежать. В этом доме рано или поздно взорвется вулкан и хоть что-то на своем пути да снесет.

Я максимально спокойна. Держу эмоции под контролем. Но их пристальный, изучающий взгляд мне совершенно не нравится.

Вдруг, как хлесткая пощечина, в голову попадает мысль: они что, считают, что моя дочь не от Джана?

В венах стынет кровь. Последние недели их поведение было странным, но сегодня... сегодня свекровь переступила невидимую черту.

Только слепой может не заметить, несколько похожи отец и дочь.

– Доедай, солнышко, – говорю тихо. – Нам пора.

– Поздно вернешься? – спрашивает тетя Самира.

– Не знаю. Если не застряну в пробках, то через пару часов.

– Понятно, – сухо отвечает она.

Свекровь так и молчит. Но ее взгляд не предвещает ничего хорошего. Они что, всю ночь обсуждали, как бы меня оклеветать и выкинуть из этого дома?

Наверное.

И Джана нет.

Что я буду делать? Когда вернется муж? Как реагировать на их поведение?

Мужу это не понравится.

Одеваю дочь, застегиваю куртку, и мы выходим из дома. В машине она поет себе под нос. А потом смотрит из окна.

– Мам, а папа скоро приедет?

– Не знаю, зайка. Он в командировке. Но обязательно тебе позвонит.

– А он привезет мне конфеты? Игрушки?

– Конечно, – улыбаюсь.

– Папа обещал, что мы полетим на море, – напоминает Айджан.

– Я помню, малыш. Полетим при первой же возможности.

Доезжаем до сада. Я крепко целую ее в макушку, провожаю взглядом, пока она не скроется за дверью. Только тогда выдыхаю.

А потом еду в свою квартиру, в которой, кажется, не была целую вечность. После свадьбы с Джаном я переехала к нему. Какое-то время хотела продать свое жилье, но потом передумала. И сейчас моей радости нет предела, что годы назад я не сделала такую глупость.

Спрятав сумку с документами в шкаф, я достаю одно из своих старых платьев, переодеваюсь и принимаюсь за уборку. Сюда, где везде пыль, я дочь не приведу. Она тут даже дышать не сможет.

Спустя несколько часов я уже заканчиваю. Принимаю душ и снова натягиваю на себя чистую одежду.

Дорога домой тянется дольше обычного. В голове так и звучат голоса, взгляды, утренний шепот за дверью: «Все идет как надо».

Паркуюсь, поднимаюсь по ступеням. Открываю дверь и едва успеваю переступить порог, как вижу свекровь, сидящую в гостиной рядом со своим мужем. А напротив – тетя Самира. Они что-то воодушевленно обсуждают. Но, заметив меня, замолкают.

– Добрый день.

– Соизволила вернуться. Ну наконец-то... – Свекровь слишком резко встает с места. – Как провела время со своим любовником?

В ее глазах так и плещется ярость. Она сканирует меня ненавидящим, убивающим взглядом.

– Что вы несете?

– А ведь я говорила! – включается Самира. – Говорила, что Джану не нужна эта дешевка! Что на «своей» жениться надо! Но меня никто не услышал! В итоге несколько лет воспитывали чужого выродка! И эта стерва наслаждалась богатой жизнью! Ей тут не место, брат! – цедит тоном, не терпящим возражения, глядя на моего свекра.

Глава 4

Меня словно током пронзает. Их слова падают на меня, как тяжелые камни, один за другим. И каждый ударяет в грудь так, что я не могу вдохнуть. В голове пустота, а в ушах гулко стучит кровь. На мгновение я не понимаю, что это реальность, а не какой-то чудовищный, безвкусный розыгрыш. Тело цепенеет – я не могу пошевелиться или хотя бы вдохнуть глубоко. Взгляд застывает, но внутри стремительно поднимается волна ярости и боли, перемешанных с обидой. Такой острой, что режет внутренности.

Я отчаянно хочу, чтобы здесь был Джан. Чтобы он встал рядом, одним своим голосом и взглядом заткнул их всех, разрушил этот грязный фарс. Чтобы сказал им, что они лгут. Но его нет. И это самое страшное: я одна среди людей, готовых разорвать меня на части словами и намеками, и никто не заступится.

Я ведь была готова к этому спектаклю. Знала, что у них есть свой план, и они скоро начнут его осуществлять. Тогда почему я так удивляюсь?

Ступор отступает, в теле рождается холодная решимость.

– Что вы говорите? Что вы несете? Какой любовник? О чем вы вообще? – Мой голос звучит глухо, но ровно.

– Ну, естественно! – Эта бесячая тетка разводит руками и усмехается. – Отрицай. Что же тебе еще делать... Не будешь же принимать факт. Говорить правду...

– Я столько лет с Джаном. Столько лет у нас все было прекрасно. Но как только вы появились, все перевернулось. Постоянные сомнения во мне, бесконечные подозрения, взгляды за спиной, перешептывания... Что все это значит? Зачем вы лезете в нашу жизнь, когда мы так счастливы? И почему именно сейчас, когда Джана нет? Вы могли сказать все это вчера, когда он был дома. Почему не сделали этого тогда? – В моих словах звенит и гнев, и боль. – Это розыгрыш? Глупая шутка? Для чего вы это делаете?

Тетя Самира хохочет так, что смех будто разрезает воздух. В нем нет веселья – только насмешка и презрение. Свекровь криво улыбается. В ее глазах лишь ледяное удовлетворение.

– Потому что мы решили сделать это так, – с видимой гордостью говорит Самира. – Потому что рядом с Джаном ты умеешь оправдываться так красиво, что он перестает верить кому угодно, кроме тебя. Но знай: он тоже в тебе сомневался. И перед тем как уехать... – она делает нарочитую паузу, наслаждаясь моментом, – он подписал документы о разводе.

Реальность кажется жестоким сном. Каждое слово падает, как раскаленный металл, обжигая изнутри. К горлу подкатывает тяжелый ком, но я не позволяю себе опустить взгляд. В голове мгновенно выстраивается холодная, логичная цепочка мыслей: если это правда – значит, Джан все это время жил с сомнением, и кто-то методично подталкивал его к этому решению; если ложь – значит, они бьют по самому больному, пытаясь выбить меня из равновесия. Но в любом случае их действия выходят за все границы допустимого, и в этом доме уже нет ничего безопасного.

– Вы врете! Джан так не поступит! Он мне верит. Хватит уже! Я сейчас же позвоню ему.

Достаю телефон, набираю номер мужа. Но он вне зоны действия сети. На глазах появляются слезы. Пытаюсь их сдержать, что получается с огромным трудом.

Свекор, взяв со стола свой мобильный, тычет пальцем в экран. А потом ставит на громкую связь, где я слышу гудки. Буквально через несколько секунд из динамика раздается голос моего мужа:

– Да, пап.

– Есть разговор, сын. Можем обсудить?

– У меня конференция. Позвоню, как освобожусь.

– Хорошо.

Отец мужа отключается, а я в шоке наблюдаю за тем, как он бросает телефон на диван, а с письменного стола берет серую папку. Сглатываю, не зная, чего от них ожидать.

«У Джана есть другой номер, которого я не знаю».

Эта мысль добивает меня окончательно. Почему он так делает? Ведь я никогда не была навязчивой или истеричкой. Не звонила ему, когда он был на работе. Лишь иногда отправляла сообщения.

К чему это все? Неужели он действительно решил развестись? И сделать это так, чтобы к его появлению меня в этом доме не было?

А как же наша дочь?

Боже, это бред. Мой муж так не поступит.

Свекровь забирает папку из рук своего мужа, открывает, достает какую-то бумагу.

– Сын подписал документы о разводе. – Она подходит ко мне, швыряет в меня документ и, схватив за волосы, тянет к выходу. – Ты ему больше не жена! Моему сыну не нужна русская, он женится на «своей». Проваливай!

Мне больно. Настолько, что дышать невозможно. Марианна тащит меня к двери. Впиваясь в ее запястье ногтями, чтобы выпустила, но бесполезно.

– Я не уйду, пока не поговорю с мужем! Что вы делаете? Какого черта? Это же... дичь! Как вы смеете?! Что вы себе позволяете?!

– Могу позволить себе что угодно. Это мой дом!

– Это наш с Джаном дом! – кричу, вырываясь из хватки свекрови.

Мой взгляд цепляется за бумагу, валяющуюся на полу. Я отчетливо вижу подпись – эти знакомые буквы я видела на других документах, которые Джан приносил домой. Теперь они горят предательством.

«Джан... Как ты мог? Без слов? Без объяснений?»

Горло сжимает спазм, но я не даю себе закричать. Вместо этого – холод. Холод, который медленно растекается по телу, вытесняя дрожь.

Взяв мятую бумагу, я отталкиваю руку свекрови, которая тянется, чтобы снова схватить меня.

– Значит так! – цежу я, глядя на всех по очереди. – Я ухожу сама! Но имейте в виду, что придет время, и ваш сын сам будет умолять меня. Придет время, дорогая свекровь, ты станешь для него посторонним человеком! Это я тебе обещаю!

Выхожу из дома. Дверь захлопывается за моей спиной с финальным щелчком. Как будто захлопнулась последняя страница нашей с Джаном семейной истории. Я стою на пороге того дома, где еще вчера была хозяйкой.

Я понимаю простую истину: любовь – это всегда договор двух сторон. А предательство – одностороннее решение.

Свежий ветер обжигает лицо, но это приятно. Как приятно бывает дышать полной грудью после долгого удушья. Странно... Я ожидала, что мир рухнет, но он просто стал другим. Более... честным.

Как же слепы мы бываем в своем счастье. Сколько раз я видела эти взгляды, эти усмешки, но отказывалась верить. Думала, рано или поздно они устанут и смирятся с тем, что я – выбор их сына, и ко мне надо относиться с уважением. Именно так бывает у нормальных людей... Но... Любовь – лучший ослепитель для разума.

Я медленно разглаживаю смятый лист с его подписью. Такая родная подпись. Сколько раз я целовала эти буквы на открытках, сколько раз с гордостью видела их на важных документах... Теперь это просто чернила на бумаге.

Цена доверия – ровно столько, сколько стоит лист бумаги и капля чернил.

Где-то в глубине души должна быть боль, но пока только странное спокойствие. Как после бури, когда понимаешь, что самое страшное уже позади.

Сколько женщин стоит на таком пороге с таким же выражением лица? Сколько еще будет стоять? Истории повторяются, меняются только декорации.

Я делаю первый шаг от дома. Потом второй. Ноги несут меня сами, без участия разума.

Вот что значит «уйти с высоко поднятой головой». Это не про гордость. Это про то, чтобы не дать им увидеть, как рушится мой мир. Потому что мои слезы – это их победа.

На повороте я останавливаюсь и в последний раз оглядываюсь. Окна нашего дома отражают закатное солнце, будто горят изнутри. Красивая метафора – наш брак тоже горел так же ярко перед тем, как погаснуть.

Я разворачиваюсь и иду прочь. Не к маме, не к подругам – просто иду, давая себе время понять одну простую вещь: сегодня не конец света. Сегодня конец иллюзий. А это совсем другое дело.

Не знаю, зачем я выплонула им в лицо те громкие слова... но почему-то интуиция подсказывает, что Джан вернется. Он не из тех, кто молча уходит, не сказав свое слово...

Но... знала бы я, как затянется его «возвращение».

Глава 5

Ровно три дня мы с Айджан живем в моей квартире.

Три дня я не получаю ни звонка, ни сообщения от Джана.

Я звонила сама, много раз. Но телефон либо вечно вне зоны, либо гудки тянутся бесконечно, а ответа нет.

В какой-то момент я просто перестала держать телефон в руках и ждать. Не потому, что смирилась. А потому, что уверена: муж все равно появится. Он не такой глупый, чтобы поверить в тот бред, который наплели ему мать и тетка. Да, сейчас он молчит, но молчание не всегда значит «конец». Иногда оно значит «буря собирается где-то за горизонтом».

Я пытаюсь себя успокоить: возможно, у него действительно проблемы на работе, или он застрял в командировке, или... Да какая разница. Истина все равно выплывет. И когда она выплывет, ему придется посмотреть на все своими глазами.

Но жизнь не ждет, пока кто-то там разберется с собой. Поэтому я решаю действовать. Да, у меня на карте есть деньги – те самые, что Джан всегда переводил, и их хватает, чтобы спокойно жить. Но я слишком хорошо знаю: зависимость – это слабое место, а слабое место в моем положении – недопустимо. Нужно стоять на своих ногах, а значит, нужна работа.

Вчера я забрала у подруги ее ноутбук. Сегодня буду искать вакансии. Но сначала отправлюсь с Айджан в садик.

Захожу в комнату дочери. Она уже проснулась и сидит на кровати, обнимая плюшевого мишку.

– Доброе утро, принцесса. – Опускаюсь рядом, целую в щеку. – Как спалось?

– Хорошо... – Она зевает. – Мам, а мы скоро вернемся в наш дом?

Сердце сжимается, но я стараюсь отвечать спокойно, без лишних эмоций:

– Пока мы живем здесь. А там посмотрим, как все будет. Главное, что мы вместе. Не так ли?

Она кивает, доверчиво прижимается ко мне. Дети чувствуют все, но не всегда задают лишние вопросы.

– Давай умываться, а потом я тебе выберу красивое платье, – улыбаюсь.

– С котиками?

– Конечно, с котиками, – смеюсь, поднимая дочь на руки.

Мы идем в ванную. Я аккуратно умываю ей лицо, расчесываю волосы.

– Мам, а папа мне звонить будет? – спрашивает она, глядя в зеркало.

– Будет, – говорю уверенно. – И обязательно расскажет, как у него дела.

Она верит, и этого достаточно, чтобы я продолжала держаться.

Одеваю ее в любимое платье, завязываю банты на хвостиках. Завтракаем вместе – каша с ягодами, чай с медом. Потом все в привычном ритме, будто в жизни ничего не изменилось.

В машине она поет песенку из мультика, глядя в окно. Я слушаю и думаю, что ребенок – лучший якорь в любой буре. Когда ты знаешь, ради кого держаться, любое море кажется менее штормовым.

У входа в садик я присаживаюсь, поправляю шапку дочери.

– Хорошего тебе дня, моя звездочка. Слушайся воспитателей, и я заберу тебя пораньше.

– Мам, купишь потом мороженое?

– Если будет тепло – куплю. – Улыбаясь, целую ее в лоб.

Смотрю, как дочка убегает в группу, и сажусь обратно в машину. Еду и уже мысленно составляю план, с чего начну поиски работы, когда на экране телефона всплывает имя мамы.

– Мам, привет, – отвечаю, стараясь говорить спокойно, чтобы не дать ей повода лишний раз волноваться.

– Здравствуй, моя хорошая. Как ты?

– Хорошо, мамуль...

– Дианочка, я подумала... – В ее голосе мягкость, но под ней – напряжение, которое я знаю наизусть. – Я хочу приехать к вам. Посидеть с Айджан, помочь тебе по хозяйству. Ты же там одна...

Она не ладит с моей свекровью, поэтому не особо любит к нам приезжать.

– Нет, мам, – перебиваю сразу, не давая ей развить тему. – Ни в коем случае. Ты туда не пойдешь.

– Почему? – Мама мгновенно напрягается. Ее дыхание становится глубже. – Что случилось?

– Просто... – Делаю вдох, чтобы подобрать слова, но голос выдает усталость. – Просто не нужно.

– Диана... – В ее тоне появляется та материнская твердость, перед которой в детстве я никогда не могла устоять. – Я слышу по твоему голосу, что ты что-то скрываешь.

Я на секунду зажмуриваюсь, потому что понимаю, что скрывать от мамы все равно не выйдет. Она слишком тонко чувствует меня.

– Мам, все плохо, – говорю прямо. – Приезжай в мою квартиру. И мы все обсудим.

– Так, стоп... – Она пытается поймать меня на деталях. – Почему я не могу приехать к вам домой? Что там случилось?

– Мама, – я говорю медленно, подчеркивая каждое слово, – это не телефонный разговор. Как только ты приедешь, я все тебе расскажу. Лицом к лицу. Но только в моей квартире. Договорились?

– Договорились, – после паузы отвечает она, но в ее голосе остается тревога. – Я выезжаю.

– Хорошо. Жду, – коротко говорю и отключаюсь, потому что если мы продолжим, я могу сказать лишнее. А сейчас не время.

Ставлю машину на парковку, выхожу и поднимаюсь к себе. В голове уже крутится, как я объясню все маме так, чтобы она поняла масштаб проблемы, но при этом не сорвалась. И на эмоциях не поехала устраивать сцены у дома Джана.

Вставляю ключ в замок, и в этот момент телефон снова звонит. Номер незнакомый.

Сердце учащает свой ритм. «Может, это он». Я хватаю трубку быстрее, чем успеваю подумать.

– Алло? – В голосе замирает надежда.

Но вместо знакомого тембра Джана я слышу совершенно чужой, ровный и незнакомый мужской голос:

– Это Диана?

И у меня мгновенно возникает ощущение, что сейчас начнется разговор, к которому я точно не готова.

– Да, это я, – отвечаю осторожно, чувствуя, как внутри все замирает, как перед прыжком в холодную воду.

– Мое имя Арсен Валтер, я адвокат семьи Джана Демира, – ровно и официально произносит мужчина на другом конце линии.

Эти слова срезают мне дыхание.

Адвокат. Семьи. Джана.

Внутри холодным льдом расползается неприятное предчувствие. Будто кто-то сейчас откроет дверь и впустит в мою жизнь шторм, от которого уже не спрятаться.

– Я вас слушаю, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри тревога скрипит так, что не могу не прижать ладонь к груди. – Что случилось?

– Нам необходимо встретиться и обсудить одну важную деталь. – Его голос остается безэмоциональным. Мужчина будто протокол читает. – Нужно подписать документы, касающиеся алиментов, а также соглашение о мирном расторжении брака.

Глава 6

Каждое слово отзывается во мне, как удар по стеклу. И хоть я готовилась к любому развитию событий, в глубине души все еще теплилась детская, наивная надежда, что он опомнится, вернется. Скажет, что это была ошибка. Но теперь эти бумаги – как приговор.

– Хорошо, – произношу после короткой паузы, понимая, что в данной ситуации у меня нет особого выбора. – Давайте встретимся.

– Я пришлю вам адрес, где мы сможем это сделать, – коротко отвечает адвокат.

– Договорились.

Мы прощаемся, и линия обрывается, оставляя глухое эхо в голове. Я стою у двери своей квартиры, все еще держа телефон в руке, и пытаюсь понять, что сильнее: страх перед тем, что будет дальше, или злость оттого, что меня поставили перед фактом.

Успеваю снять куртку и поставить сумку на стул, когда слышу, как звенит дверной звонок. Открыв, встречаю маму.

Она заходит, следует за мной на кухню. Ставит пакет с продуктами на стол и, не снимая пальто, подходит ко мне.

– Диана... – В ее голосе густая и ощутимая, как туман, тревога. – Что случилось?

Она вглядывается в мое лицо, пытаясь прочесть правду до того, как я ее произнесу. При ней я больше не смогу держать эту маску равнодушия. Да и не хочу...

Я ставлю чайник, достаю две кружки. Садимся друг напротив друга. Внутри постепенно выключается автоматический режим выживания и включается режим честного разговора, где не нужно играть сильную. Потому что сильной меня делает не маска, а способность называть вещи своими именами.

– Мама, – начинаю я, выдерживая паузу, чтобы собрать в одну линию разрозненные события, – три дня назад я уехала из дома Джана. Меня... выставили за дверь, обвинив во всех грехах.

Я спокойно и подробно рассказываю все: как проснулась в тревоге, как спрятала документы на всякий случай. Как повела Айджан в садик и вернулась. Как меня встретили не как жену, а как обвиняемую. Как под рукой у свекра оказалась папка, как на стол легла бумага с подписью Джана, как мне сказали про «мирное соглашение о расторжении брака» и алименты – слова, которые звучат сухо и аккуратно. Словно речь о договоре поставки, а не о жизни, в которой есть ребенок, память, дом и доверие. Я говорю и про их взгляд – не просто враждебный, а оценивающе-холодный. Как у людей, которые заранее решили, что я предмет, и предметом можно распоряжаться.

Мама молчит, не перебивает, только один раз тихо спрашивает, будто чувствуя:

– Они тебя трогали?

– Да, – отвечаю честно, – свекровь. Я вырвалась. Но это не та боль, о которой хочется помнить. Мне было все равно... Куда больнее от молчания мужа.

– Боже, Диан, почему я узнаю об этом только сейчас?

– Понимаешь, мам... – Голос у меня ровный, без надрыва. Меняю тему, чтобы она не заикливалась: – Я не верю, что Джан вот так просто перестал любить в одно утро. Я знаю силу его характера. Знаю, как он умеет держать слово, как умеет быть справедливым. И та часть меня, которая помнит эти качества, упрямо повторяет: «Он не мог опуститься до такого». Не мог не сказать в лицо, не мог подменить разговор документом. Но другая часть помнит его холодность и отстраненность. Пустые взгляды мимо, автоматические «я занят», даже не выслушав, что я скажу. Закрытые двери и телефон, который все чаще молчал. Эта часть честно говорит: «А почему бы и нет?» Люди ломаются под давлением, люди сомневаются, люди поддаются чужому влиянию. Особенно когда рядом кто-то методично капает на мозг день за днем.

Я ловлю мамин взгляд и говорю, уже формулируя не только чувства, но и выводы, потому что они важнее эмоций:

– Если он хотел развода, он мог сказать: «Диана, все, нам не по пути, мы разводимся». Я не из тех, кто вцепится в дверной косяк и будет кричать. Кто не разводится, мам? Все разводятся, если так сложилось. Я бы собрала вещи и ушла молча, сохранив достоинство. Потому что достоинство – единственное, что нельзя делить пополам. Но он уехал и, если верить бумаге, подписал все за моей спиной. Это не про честность и не про смелость – это про страх, про манипуляцию или про чужую волю, которой он позволил собой управлять. И я не понимаю этого поступка. Не потому, что не принимаю развод как явление, а потому, что не принимаю такую форму: тайком, через третьих лиц, в отсутствие разговора. Они не видят во мне человека. Я для них строчка в графе «Согласовано».

Мама берет мою руку, сжимает крепко-крепко. И ее молчаливое «я с тобой» поддерживает сильнее любых слов.

– Доченька, – говорит она мягко, – ты все видишь правильно. И видишь глубоко.

– Я вижу еще и то, – продолжаю, потому что важно произнести это вслух, – что за этим стоит не вспышка, а последовательность: долгий подкоп под доверие, обесценивание «она не из наших», подмена фактов намеками, и «встреча» только в тот день, когда он уехал. Это не семейная ссора, это тщательно спланированная комбинация. И все же, – делаю паузу, – я оставляю для него дверь разговора открытой. Не потому что жду спасения или его возвращения. А потому что любой финал требует ясной точки, сказанной в глаза. Если он придет – я выслушаю. Если не придет – у меня уже есть план. И этот план не зависит от его решения.

Мама кивает, и я вижу, как ей хочется меня обнять. Я позволяю, потому что в этом объятии нет жалости – в нем уважение к моему пути, выбору.

– Что ты будешь делать сейчас? – спрашивает она уже деловым тоном, и я благодарна ей за это «сейчас», которое возвращает меня к управляемым шагам.

– Сейчас – жить, – отвечаю спокойно. – Отвожу Айджан в садик, ищу работу, не трачу себя на бесконечные звонки в пустоту. Адвокат пришлет адрес – встречу, выслушаю условия. Не подпишу ничего, что нарушает интересы ребенка и мои права. Возьму копии, проконсультируюсь отдельно. Я не враг Джану, но и себе не враг. Я не буду драться за то, что умерло, я буду защищать то, что живо: нашу дочь, мою субъектность, нашу нормальную жизнь, где нет шантажа и вторжения.

– Я поеду с тобой, – говорит мама. – Не на встречу, если не хочешь. Просто буду рядом до и после.

– Спасибо, – улыбаюсь. – Ты всегда была рядом... Как хорошо, что ты у меня есть.

Мы замолкаем. Чайник щелкает, пар поднимается легким облаком, и я вдруг ясно понимаю: спокойствие – это не отсутствие бури, а наличие курса. Мой курс есть. Я не жду чудес, я строю мосты: для себя, для дочери... даже – при необходимости – для честного разговора с человеком, которого любила. И да, я все еще не понимаю, почему он выбрал форму, в которой слишком много чужих голосов и слишком мало его собственного. Но это уже его задача – объяснить выбор. Моя – сделать так, чтобы вне зависимости от его объяснений я оставалась собой: взрослой, ясной, собранной.

Телефон коротко вибрирует – приходит сообщение с адресом встречи от адвоката Арсена Валтера. Я смотрю на экран, кладу телефон на стол и говорю маме совсем будничным голосом:

– Ну что же, мам. Кажется, у меня начнется новая жизнь. К которой я совершенно не была готова... Еще пару недель назад я даже не задумывалась, что на днях буду разводиться. Тем более таким образом...

Глава 7

– Я поеду с тобой, – говорит мама, когда я готовлюсь выйти из дома. – Хочу внучку увидеть.

– Буду только рада.

Она просто меня одну оставлять не хочет. Да и вряд ли уедет к себе. Наверняка позже, когда вернемся, скажет, что останется на ночь. Я не против. Она же мать... переживает, волнуется. Однако не люблю, когда со мной обращаются как с ребенком.

Мы садимся в машину. Какое-то время мама возится со своим телефоном, кажется, печатает сообщение. Не знаю, кому. Да и мне это особо не интересно. Мои мысли заняты Джаном. Словами адвоката. Все никак не могу понять, в чем логика... Зачем он так поступил?

Я что, все эти годы, что мы были вместе, выглядела навязчивой истеричкой? Если бы он сказал мне все в лицо, я бы гордо вздернула подбородок и раньше него подписала бы нужные документы. Оставаться рядом с человеком, который меня не хочет? Умолять? Нет. Это не про меня. Даже если безумно люблю. Даже если буду уверена, что умру без него.

– Ты у меня сильная. Всегда такой была. С самого детства со всем справлялась одна, – начинает мама вкрадчиво. – Поэтому я даже не сомневаюсь, что и в этот раз все будет аналогично. Джан пожалеет о том, что с тобой сделал. И на работу устроишься, и жизнь свою продолжишь как ни в чем не бывало. И Айджан воспитаешь такой же умничкой, как сама.

Мама пытается поддержать, чтобы я не опустила руки. Я это умом понимаю. Но и она меня плохо знает, если думает, что я буду днями рыдать в подушку, потому что меня бросил муж. Нет. Сейчас для меня главное – мой ребенок. А мужчина... его можно найти всегда. Хотя я вряд ли когда-нибудь на такое решусь...

В каком-то смысле я даже рада, что не забеременела. Так хотела второго малыша, но что-то не получилось. Я люблю детей, однако сейчас я в таком положении, что с двумя мне было бы гораздо тяжелее. Плюс... опять же обвинили бы в том, что я нагуляла...

Боже, их обвинения на уровне бреда. Мне даже интересно, чем сейчас занимаются свекровь и ее сестричка Самира. Радуются, что избавились от меня?

Они о такой невестке, как я, только мечтать могут. Я столько лет относилась к ним с уважением. Даже когда Джан злился на что-то, уговаривала, чтобы он не рубил сгоряча. Что они его родители, и нужно идти навстречу.

Дура. Знала бы я, какую яму мне будут копать, никогда не делала бы этого.

Ловлю себя на мысли, что опять пытаюсь защитить Джана. Вдвойне дура, если не перестану об этом думать. Он не из тех, кто позволяет лезть в свою жизнь. Но если сейчас позволил, значит, устал от меня. К тому и была вся та холодность и отстраненность. Он меня разлюбил. Но в последний раз решил быть со мной той ночью?

Дура. Неужели думала, что все начинает налаживаться?

Забрав дочку, мы выезжаем обратно. Не могу не заметить, что Айджан немного грустная. Вглядываюсь в ее лицо в зеркале заднего вида.

– Малыш, как прошел день?

– Хорошо, – подняв на меня свои большие глаза, улыбается дочь. – Мы сегодня много рисовали. И открытки для пап готовили!

– М-м-м, вот как...

– Да, преподавательница сказала, что скоро день отце... ота...

– День отцов. Я поняла, малыш. И как у тебя получилось?

– Хорошо!

– Ты у меня умница. Все умеешь.

Мама улыбается, глядя на нас, но в наш разговор не вклинивается. Я же устремляю взгляд на дорогу, желая скорее найти работу и хоть как-то забыть все происходящее в моей жизни. В голове полный раздрай.

– Мам, – спустя время зовет дочь.

– Да, родная?

– А папа скоро придет? – получаю мощный удар в грудь.

Видит бог, как мне не хочется врать. Однако не остается выбора. Да и, по сути, я говорю то, что мне сказал Джан.

– Папа уехал в командировку, родная. Когда приедет, наверное, увидим его...

Наверное, да...

– Надолго уехал? А мне бабушка Самира сказала, что он не мой папа.

Что?! Что, черт побери?!

Сжимаю руль до побелевших костяшек, бросив яростный взгляд на маму. Она побледнела, как и, скорее всего, я. Сглатываю шумно и, остановившись на светофоре, поворачиваюсь к дочери:

– Когда она это сказала, Айджан?

– У дедушки день рождения было!

Я помню тот день... она сказала, что уложит Айджан спать, а я не стала протестовать.

– Бабушка Самира пошутила, родная.

Айджан кивает. Как же легко обмануть детей, господи... убедить их. Клянусь, если бы я сейчас увидела ту женщину... тетку Джана... я бы придушила ее собственными руками. Не пойму, когда я стала такой слепой. Казалась доброй, милой... а в итоге сняла маску, показав свое истинное лицо.

Змея!

Мы заезжаем в супермаркет. Нужно закупиться продуктами. Мама, молчавшая всю дорогу, не выдерживает, когда видит, что я ни на что не реагирую. Тихо набираю все что нужно в корзину.

– Дочка.

– Да, мам?

– Меня пугает твое молчание. Ничего не скажешь?

– А что сказать? Моя свекровь вместе с Самирой уже давно планировали, как бы меня оклеветать. Даже ребенка успели запутать. Какой тварью нужно быть, чтобы так поступить... – Последнее цежу сквозь зубы, которые стискиваю до невыносимой боли. – Они хотели от меня избавиться. Но зачем вмешивать ребенка?! Зачем?

– И ты все равно думаешь, что Джан появится? Диана, он попросил адвоката связаться с тобой. Поставит какие-нибудь условия... Через него наверняка все решит. Разведется, и на этом все... Пожалуйста, не надейся на что-то хорошее. Ты сейчас подумаешь, что все наладится, а когда все будет усложняться... Будет больше, дочь.

– Мам, что бы ни предложил адвокат, я соглашусь на развод. Алименты? Окей. Они обязаны выплачивать. Не буду строить из себя независимую, даже если я действительно такая. Пусть выплачивают. Буду тратить эти деньги на дочь, – говорю тише.

Айджан берет с полки шоколадку, кладет в корзину.

– А не лучше просто стереть ту семейку из своей жизни? Чтобы ты не нервничала каждый раз...

– Малыш, макароны возьмем? – обращаюсь к малышке.

– Да!

– Иди прямо. Видишь? Возьми две упаковки, родная. – Дочь выполняет мою просьбу. И лишь когда она отходит от нас, я поворачиваюсь к маме: – Не буду я нервничать. Бумеранг – хреновая штука. И рано или поздно каждый получит по заслугам.

Мама со мной не согласна. Я это вижу по выражению ее лица. Но и не настаивает, не пытается меня уговорить.

Расплатившись на кассе, мы выходим. До дома около десяти минут езды. С трудом нахожу место для парковки. И, едва покидаем салон, сразу вижу машину брата. Облокотившись о капот своего джипа, он смотрит на меня. Я же устремляю взгляд на маму, которая кусает губы.

– Я... хотела как лучше, родная. Дима тебе обязательно поможет.

Я лишь выдыхаю. Обязательно поможет, да. Но мне придется снова и снова встречаться с лучшим другом своего брата, который когда-то был безумно в меня влюблен, но я в итоге выбрала Джана.

Может, оно и к лучшему. Пусть видит, что конец жизни не наступает, когда он оставляет на полпути. Жизнь только начинается... Дает новые возможности. И, возможно, второй шанс...

Я не нуждаюсь в мужчине. Уж точно не в ближайшие несколько лет. Но... Джан Демир об этом точно не должен знать.

– Дядя! – Айджан бежит к Диме.

Он, подхватив племянницу, кружит ее в воздухе.

– Принцесса моя. Как ты?

– Хорошо!

Дима достает из багажника несколько бумажных пакетов известной фирмы.

– Смотри, что тебе дядя купил.

Брат улыбается Айджан. А на меня бросает злые взгляды. Дескать, из-за твоего выбора будет страдать ребенок.

Поднимаемся в квартиру. Мама с Айджан идут мыть руки, Дима ловит меня за локоть.

– И куда пропал твой горячо любимый муж, сестренка?

Глава 8

Сию в офисе за своим столом и думаю о том, как быстро пролетели полтора месяца с того дня, когда я ушла из того дома, где еще недавно верила в свое будущее. Сначала казалось, что все это ошибка, дурной сон, и я вот-вот проснусь. Но время идет, и теперь я уже месяц как официально разведена, с подписанными документами, с алиментами и новой реальностью, которую приходится принимать.

На днях на карту пришла приличная сумма. Ее достаточно, чтобы обеспечить ребенку достойную жизнь, и вроде бы мне следовало бы быть спокойной. Но я понимаю, что никакие деньги не способны компенсировать потерю. И я больше не жду звонка от Джана, не надеюсь на объяснения, не верю, что он появится. Если бы он действительно хотел сохранить семью, он бы сделал шаг навстречу. Но его нет, значит – ему не нужно. Сначала это убивало, а теперь я все чаще повторяю себе: тот, кто дорожит семьей, не уходит без слов, не исчезает в тени. Значит, мой путь теперь другой.

Я работаю у брата, и с одной стороны, это дает стабильность и покой. Но каждый его взгляд, полный раздражения и упрека, каждое слово, сказанное вполголоса, но с намеком, напоминают о том, что в его глазах я сделала неверный выбор.

Мне неприятно, но я терплю, потому что сейчас у меня нет другого выхода. И все же внутри зреет твердое решение: как только появится подходящая вакансия, я уйду. Найду свое место, где смогу чувствовать себя уверенно и спокойно.

Есть еще его друг, который когда-то был влюблен в меня. И я вижу, что он снова тянется ко мне, пытается заговорить, ищет повод приблизиться. Но я не даю ему такого шанса. Мое сердце закрыто, и прежде чем впустить кого-то, я должна научиться дышать без боли. Сейчас в моей жизни главное – дочь, работа и уверенность в завтрашнем дне.

Возможно, все так и должно было случиться. Ведь я думала, что холодность Джана может привести нас к разводу. Просто не хотела в это верить. Надеялась на лучшее.

Иногда разрушение становится началом, а потеря оказывается освобождением. Но одно я знаю точно: свою дорогу я должна выстраивать сама. Шаг за шагом, не оглядываясь на чужие взгляды, на мужские решения или упреки. И только тогда смогу сказать, что живу так, как хочу я.

В дверь кабинета стучат, а потом она приоткрывается, и в помещение заходит секретарь с папкой документов. Она аккуратно кладет их на край стола и, задержавшись на мгновение, указывает на верхний лист.

– Это срочно, – говорит она ровным тоном. – Подпись нужна до конца дня.

– Хорошо, поняла, – отвечаю я, бегло пробегая глазами первые строки. – Верну после обеда.

– И еще, – добавляет она чуть мягче. – Доставка, которую вы заказывали утром, уже приехала.

– Благодарю, – киваю.

Она уходит, оставляя на столе и папку, и бумажный пакет с едой. Откладываю документы, чтобы позже расставить закладки и сделать пометки. Беру еду. Легкий запах – смесь свежего хлеба, пряных трав и горячего супа – сразу ударяет в нос.

Понимаю, что с утра не съела ни кусочка. Достаю ложку, подцепляю первую порцию, но организм реагирует неожиданно: к горлу подступает тяжесть, и накатывает тошнота. Тело сопротивляется попытке вернуться к обычному ритму.

Закрываю контейнер, отодвигаю его и глубоко дышу. Длинный, медленный вдох, и выдох. Беру стакан с горячим чаем, делаю глоток.

Можно держать лицо, можно подписывать бумаги и вести переговоры, но базовые потребности тела всегда напоминают о себе. И если не научиться заботиться о себе с тем же вниманием, что о дочери или работе, любая внешняя собранность рушится от пустяка.

Снова подтягиваю контейнер ближе. Пытаюсь хоть что-то проглотить, но тщетно. Кусок в горло не лезет. В голове образовывается хаос. Пусть и с дрожью внутри, возвращаюсь к делу, которое можно контролировать. В отличие от прошлого.

Работаю, да, но делаю все автоматически. Потому что не могу вспомнить, когда у меня в последний раз были месячные. Память упорно молчит, и, перебирая в голове прошедшие дни и недели, я с ужасом осознаю, что это было еще до того, как я ушла из того дома. Внутри все обрывается.словно кто-то выдернул почву из-под ног. Холодная волна паники окатывает меня с головы до пят.

Я пытаюсь успокоить себя рассуждением, что всему виной стресс, ведь организм всегда остро реагирует на потрясения, а их в последнее время было слишком много. Но в глубине души я понимаю: надежда на случай и самоуспокоение – это путь в никуда. Я должна точно знать, а значит, обязана исключить сомнения.

Если я действительно беременна, меня ждет новое, еще более тяжелое испытание. И я не представляю, как смогу его выдержать. Но если это лишь последствие нервного напряжения и бессонных ночей, то время все вернет на свои места. Пока же я нахожусь в состоянии неуверенности, когда каждая мысль тянет в разные стороны и не дает покоя ни днем, ни ночью.

Я не имею права на поспешные шаги, не позволю панике управлять мной и толкать к решениям, о которых потом пришлось бы жалеть. Единственно правильное решение – убедиться в правде. Я должна сделать тест и узнать наверняка, беременность это или всего лишь последствия истощения и тревог последних недель.

Конечно, я хотела бы верить, что это нервы, что это всего лишь мой организм, уставший от страха и боли, требует передышки. Но... Господи, я же с ума сойду...

Не в силах ждать завершения рабочего дня, я заказываю несколько тестов для определения беременности. Благо заказ приносят быстро и, как я и просила, упаковывают так, чтобы никто не смог увидеть, что там. Секретарь приносит без лишних вопросов, а я, забрав, прячусь в туалете, который находится в моем же кабинете.

Чувствую, как внутри поднимается тревога, будто я переступаю порог в совершенно иную реальность, откуда уже не будет пути назад. С дрожью в руках я распечатываю упаковку теста и внимательно вчитываюсь в короткую инструкцию, хотя прекрасно знаю каждый шаг. И все же делаю все так, как написано. Как будто этот механический порядок способен хоть немного успокоить мой разум.

Кладу крошечный прямоугольный пластик на край раковины и отхожу назад, чувствуя, что сам факт его присутствия обжигает меня. Прикрываю глаза, откидываюсь спиной на холодную кафельную стену и позволяю этой суровой прохладе впитаться в плечи и лопатки, возвращая ощущение реальности и удерживая меня от того, чтобы потерять равновесие. Время тянется бесконечно медленно, каждая секунда становится мучительным испытанием. Ловлю себя на том, что губы шепчут невнятные слова – почти молитву, обращенную в пустоту.

Наконец проходит пара минут, которые кажутся целой вечностью. Я открываю глаза, делаю шаг вперед и поднимаю тест с раковины дрожащими руками. Вглядываюсь в маленькое окошко и отчетливо вижу там две ярко-розовые линии.

На мгновение мне кажется, что это иллюзия. Игра, злой розыгрыш самой судьбы. Но полосы не исчезают, не тускнеют, они стоят передо мной в своей неоспоримой очевидности. Внутри меня все рушится и собирается заново, оставляя лишь одну мысль: теперь моя жизнь никогда не будет прежней.

Глава 9

Возвращаюсь к работе, хотя понимаю, что мои мысли уже не принадлежат ей. Документы лежат передо мной, строки отчетов требуют внимания, подписи ждут, но взгляд постоянно ускользает к одному – к тому, что произошло несколько минут назад. Две яркие полоски на тесте печатаются в сознание и не дают дышать свободно.

Я стараюсь заставить себя сосредоточиться: открываю папки, проверяю цифры, делаю пометки. Но все это становится механикой – руки работают, а разум упрямо возвращается к осознанию: я снова жду ребенка. И с этой мыслью приходит тревога. Как я справлюсь? Смогу ли удержать равновесие между работой, заботой о дочери и новой жизнью, которая развивается во мне?

Да, мне хватает средств. Алименты позволяют обеспечить Айджан всем необходимым, и я сама зарабатываю. Но деньги – это лишь часть картины. Я знаю, что не смогу позволить себе роскошь просто сидеть дома сложа руки и наблюдать, как растет ребенок. Я должна работать, должна строить будущее. И вместе с тем ясно ощущаю: этот ребенок – не бремя, не случайность, а часть моей жизни, которую я принимаю безусловно.

Даже не допускаю мысли о том, чтобы отказаться. Я рожу его, я дам ему все, что в моих силах, даже если его отец никогда не узнает о его существовании. И он действительно не узнает – потому что я решила так. Мой выбор я больше никому не позволю оспаривать.

Конечно, внутри тревожно. Я не обманываю себя: впереди трудности, бессонные ночи, удвоенная ответственность. Но вместе с этим приходит и сила. Я смотрю правде в глаза и понимаю: у меня есть все необходимое, чтобы пройти этот путь. У меня есть разум, опыт, моя дочь, ради которой я уже однажды поднялась из руин. А теперь у меня будет еще одна причина стать сильнее.

Моя жизнь меняется, и я принимаю это. Я не отказываюсь от страха, но и не даю ему права управлять мной. Я решаю сама, и это решение делает меня свободной.

Дверь кабинета открывается совсем неожиданно. И, если раньше я сразу видела там своего секретаря, то сейчас мой брат широкими шагами подходит к моему столу и опускается в кресло напротив. Он смотрит на меня так, будто чего-то ждет.

Он не появлялся ко мне среди рабочего дня. Либо приходил вечером, когда я собиралась домой, либо где-нибудь в коридоре сталкивались...

– Что такое? – спрашиваю, не выдержав.

– Ничего не хочешь мне сказать?

Первая мысль – в туалете есть камера, и он все видел. Но я сразу отгоняю это безумие, пытаюсь рассуждать разумно.

– Без понятия, Дима. Не разговаривай со мной загадками. Говори, что хочешь. У меня много дел.

Брат откидывается на спинку кресла и долго сверлит меня взглядом. Я же напротив: делаю вид, что не замечаю его и очень занята бумагами.

Боже, на самом деле хочется немедленно отправиться домой и сделать еще несколько тестов на определение беременности. Но в то же время я отчетливо понимаю, что результат не изменится.

А еще больше хочется уехать отсюда как можно дальше. Чтобы никто не нашел. Не знал, где я и как. Зря я маме все рассказала. Да и заранее нужно было ее предупредить, чтобы не проболталась. В итоге я вынуждена терпеть хамское поведение брата, который каждый раз кайфует оттого, что говорит мне, как я облажалась.

– Ты же так была уверена, что он тебя любит... – тянет брат насмешливо. – И что в итоге? Куда свалил твой муженек, Диана?

– Я не хочу обсуждать личную жизнь. И ты прекрасно знаешь, как я не люблю, когда в нее лезут!

– Хочу знать, что же стряслось... И почему твой муж решил показать свое истинное лицо...

Я закатываю глаза. Боже, как же неприятно!

– Дим, выйди, а?

– Правда глаза колет? Он тебя никогда не любил, сестренка!

– Поэтому пять лет терпел? Ведь не мог раньше избавиться, да? Ты хоть понимаешь, что несешь?

– Он тебя никогда не любил, раз позволил своей родне так унижить тебя! Любящий человек так не поступит. Ах да... Ты же говорила, что он куда-то уехал. Не знаешь, не вернулся еще?

– Без понятия. Мы в разводе... Мне это неинтересно.

– Вот как! Давай я тебе дам новую информацию о твоём горячо любимом муже, Диана. Он вернулся. Находится в городе, расширяет свой бизнес. О тебе не думает и явно считает Айджан чужим ребенком, раз не интересуется. Очевидно, думает, что ты ее действительно нагуляла. Только вот интересно, почему не хочет отомстить? Ведь это не игры... Более того, Диана, у него появилась невеста. Своей же национальности. Свадьба на носу. Как тебе такая новость, а? Хотя бы сейчас осознаешь, что я был прав, когда не хотел, чтобы ты выходила за него?

Слова брата падают на меня, как камни.

«Свадьба на носу», – и в груди тут же рождается острая, пронзительная боль. Я знала, что он может не вернуться. Я почти смирилась с его молчанием. С тем, что он не ищет встречи, не звонит, не пишет. Но услышать о невесте – это уже совсем другое. Это не просто отсутствие рядом, это окончательная черта. Точка. Сердце разрывается. Хочется закричать, но я заставляю себя молчать.

Молчу, потому что прекрасно понимаю: стоит показать хоть малую слабость – и Дима будет наслаждаться этим еще больше. Он всегда умел бить в самое больное место. Потому что никогда не одобрял мой выбор. И до сих пор злится на меня за то, что когда-то я его не выслушала.

Выпрямляюсь, собираю все силы и, гордо вскинув подбородок, смотрю брату прямо в глаза.

– Какая тебе разница, Дима? – произношу ровно, холодным тоном. – Какая тебе разница? Мы с мужем развелись. Повторяю еще раз: развелись. Женится он или не женится, есть у него женщина или нет – меня это больше не касается. В конце концов, монахом он всю жизнь жить не будет. Как и ты.

На его лице появляется замешательство. Он думал, я буду оправдываться? Или же реветь, почему Джан так со мной поступил? Но не дождется. Сейчас я другая. Сейчас я сильнее.

Я сознательно меняю тему:

– Кстати, брат... где твоя жена? Где она? Куда ушла?

Дима резко подается вперед. Его губы сжимаются в тонкую линию, и сквозь стиснутые зубы он проговаривает:

– Мы сейчас говорим не о моей бывшей жене, а о твоём бывшем муже.

Я тоже подаюсь вперед, не отводя взгляда:

– Неприятно, да, Дим? Неприятно, когда я задаю вопросы о твоей личной жизни? Так вот, мне точно так же неприятно, когда ты лезешь в мою.

Чувствую, как в груди поднимается решимость. Тяжелая и твердая, как камень.

– Будь добр, занимайся своими делами и в мою жизнь не вмешивайся. – Мой голос звучит максимально уверенно и твердо. – И учти: если ты продолжишь в том же духе, клянусь, я

здесь работать не останусь. Найду подходящую вакансию и уйду. Потому что терпеть тебя уже невозможно. Ты просто... мутила.

И, произнеся это, я ощущаю странное облегчение. Да, внутри все еще ноет от услышанного о Джане, и сердце рвется на куски. Но снаружи я остаюсь непоколебимой. Я не позволю брату видеть мои слезы. Никогда.

– Моя жена меня не бросала. И замуж она не выходила. Мы разошлись, потому что...

– Потому что ты скотина, – перебиваю я. – Потому что ты изменил ей. Она тебя не бросала? Да потому что любила тебя безусловно. И, несмотря на боль, которую ты ей причинил, первое время не могла уйти от тебя. Но в итоге решилась. В чем я ее полностью поддерживаю. Я бы с тобой ни одного месяца под одной крышей не прожила бы!

– Если мужик изменяет, это полностью вина женщины...

– Да! Если мужик изменяет – это женщина виновата, ага. Потому что плохо ублажает? Ой, какие вы умные! А когда женщина изменяет, так она легкомысленная и шлюха! И мужчина тут ни при чем! Какая логика, однако! Какие вы умные, мужики, – морщусь. Последнее слово говорю с особой интонацией. – Жалейте себя сколько хотите, но учтите: порой вы выглядите как кусок дерьма, на которое смотреть противно.

– Ты тон сбавь, когда со мной разговариваешь. И выбирай выражения.

– Это и к тебе относится! Если я согласилась здесь работать, это не значит, что ты можешь разговаривать со мной на подобные темы. Постоянно показывать и говорить, какая я дура. Ты прежде всего на себя посмотри. Если я развелась – это не значит, что я идиотка. Так вышло. Это жизнь. И ты должен понимать меня лучше всех, потому что у самого судьба не айс! Просто имей совесть, брат. Больше не приходи ко мне с такими новостями! Мне это неинтересно!

Злость, которая растеклась по телу после информации о женитьбе Джана, вырывается наружу. Умом понимаю, что я больше всего сейчас зла на бывшего мужа, но все вываливаю на Диму. Да, он тоже виноват. Не может держать язык за зубами. Но кипящая внутри меня ярость совсем не имеет к нему отношения.

Джан... Неужели сложно просто поговорить? Объясниться. И та ночь... Последняя ночь, когда мы потерялись друг в друге... Ты знал, что делал. Ты давно решил уйти...

Но почему таким способом? Я же поняла бы! Приняла бы, скажи, что ты больше не хочешь продолжать эти отношения.

Однако ты выбрал другой путь.

– Еще как интересно. Хочешь показать себя сильной и независимой. Но у тебя на лице все эмоции написаны, сестренка. Хватит притворяться. И да... Кто же тебя на работу возьмет, кроме меня?

– Если бы мама тебе ничего не рассказала... хрен ты узнал бы, где я и что со мной происходит! – цежу сквозь стиснутые зубы. – А работу я найду! Ты не переживай! Лучше займись делами компании. А то в последнее время что-то идет не так. Крыса появилась, Дим? Лучше ее найди! Мало ли... Просрешь бизнес... и уже тебе негде станет работать!

Глава 10

Работа становится для меня лекарством: я ухожу в нее с головой, чтобы заглушить шум собственных мыслей. Сосредоточенность помогает притупить боль, но ненадолго. Завершаю последние задачи и понимаю, что документы собраны и ждут подписи брата.

Сердце снова сжимается. Я нервно кусаю губы. Мне совсем не хочется видеть Диму. Разговор полуторачасовой давности все еще отдается неприятным осадком, как горечь от слишком крепкого кофе. Но выбора нет – бумаги должны оказаться у него на столе.

Перед тем как выйти, я хватаю телефон и, не раздумывая, набираю номер своего гинеколога. Вздрагиваю от напряжения, когда слышу спокойный, уравновешенный голос на другом конце:

– Диана, здравствуйте. Слушаю вас.

Я стараюсь говорить уверенно, хотя внутри все дрожит. Сглатываю, откидываясь на спинку кресла, и смотрю в потолок, чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

– Здравствуйте, доктор. У меня возникла ситуация, и я хотела бы как можно скорее пройти обследование. Нужно УЗИ, а анализы я сдам позже. Есть возможность заехать сегодня?

Короткая пауза, после которой звучит мягкий, профессиональный ответ:

– Я как раз сейчас на работе. Если у вас есть время, приезжайте. УЗИ сделаем сразу, а анализы действительно можно отложить. Главное – не откладывайте визит. Любое сомнение лучше прояснить как можно раньше.

Она, видимо, по моему голосу понимает, что что-то не так...

– Спасибо. Да, я приеду, – отвечаю, чувствуя, что немного успоаиваюсь.

– Хорошо. Жду вас. И не переживайте раньше времени. Все решаемо.

Мы прощаемся, и я кладу телефон в сумку. В голове звучат ее последние слова: «Не переживайте раньше времени». Простая фраза, но в ней столько уверенности, что напряжение слегка отпускает.

Поднимаюсь из-за стола, беру папку с документами, сумку и телефон. С каждым шагом к кабинету брата мысленно отстраняюсь от его недавних слов и от язвительности, которой он так любит цеплять за живое. Сейчас у меня есть дела поважнее, чем его вечные насмешки.

Секретаря на месте нет, что странно для этого времени. Рабочий день не закончился. Поэтому я иду напрямую, стучу, жду пару секунд и открываю дверь. Дима сидит в кресле у окна, ко мне спиной, и разговаривает по телефону низким, сдержанным голосом. Услышав шум, он поворачивается. Увидев меня, прощается со своим собеседником. И, откатившись на кресле к столу, выгибает бровь, тем самым задавая немой вопрос: что случилось?

Я кладу папку перед ним так, чтобы верхний лист оказался прямо под его рукой.

– Эти документы нужно проверить и подписать сегодня, – говорю спокойно. – Сроки жесткие.

Он коротко кивает, берет ручку и молча подписывает первый лист, не задавая вопросов. Хотя взгляд все равно задерживается на моем лице дольше, чем обычно.

Я не собиралась поднимать личные темы, но слова срываются, губ сами собой:

– Дим, есть хоть какие-то новости о твоей бывшей жене? Вы слишком быстро и резко разошлись... А потом от Кристины ни слуху, ни духу...

Он снова выгибает бровь. Губы поджимаются. Он выдыхает, прикрывая глаза, прежде чем ровно произнести:

– Диана, не лезь не в свое дело. Сама же на меня орала буквально минуты назад.

Я хмурюсь, принимая это как установку границ: он закрывает тему, как и я закрываюсь от него. Странная симметрия – у каждого своя боль, свое уязвимое место.

Он наклоняется к столу, чертит подпись еще на нескольких страницах и вдруг поднимает на меня глаза:

– Не понимаю, почему ты зациклилась на Кристине.

– Просто интересно... Ты хоть интересовался, куда она делась после развода?

Я задерживаю дыхание. В голове всплывают воспоминания: тогда я была беременна Айджан, вся погружена в заботы и осторожность. Наше общение с женой Димы и до того никогда не было тесным – редкие звонки, несколько вежливых встреч. А потом и вовсе сошло на нет. Она перестала звонить, и я не позвонила в ответ. Так иногда расходятся жизни, когда у каждого – свои заботы и приоритеты.

А потом мама сказала, что они развелись. И по секрету прошептала, что брат ее предал.

– Не интересовался, Диана. Судя по тому, что ты никогда ничего не спрашиваешь просто так, задам ответный вопрос: что происходит?

– Да так... Ты так орешь, что Джан мной даже не интересуется... Будто сам чем-то от него отличаешься. Мужики – вы такие, – зло усмехаюсь.

– Диана, – угрожающе рычит брат.

– Подписанные листы отправь ко мне завтра утром. Проверю и занесу в систему.

Не желая оставаться здесь, выхожу из кабинета. Чем дольше я тут останусь, есть вероятность, что мы приедем друг друга словами.

Выезжаю из офиса и всю дорогу до больницы ловлю себя на том, что мысли кружат по кругу. Повторяю себе, что должна быть спокойной. Ведь впереди всего лишь визит к врачу, обычное обследование, которое даст ясность. Но внутри тревога все равно шевелится, и руки чуть крепче сжимают руль. Не понимаю, почему так переживаю. Есть какое-то нехорошее предчувствие, которое жрет внутренности.

На парковке заглушаю двигатель, беру сумку, делаю глубокий вдох и выхожу из машины. Не успеваю сделать несколько шагов вперед, как слышу звонкий, чистый детский голос, полный радости и беззаботности. На мгновение мне кажется, что это Айджан. Невольно оборачиваюсь.

То, что вижу, заставляет меня застыть на месте. Меня будто ударяет током. Это не случайный прохожий. Передо мной – бывшая жена моего брата. А рядом с ней – девочка лет пяти-шести, с двумя аккуратными темными косичками и прямой челкой. Она что-то говорит матери и смеется так звонко, что в моей груди все переворачивается.

Я не верю в совпадения. Нет, такие вещи не случаются просто так. Это... какое-то чудо.

Вглядываюсь внимательнее. Девочка похожа на Диму до мельчайших деталей. Та же немного кривая, но невероятно обаятельная улыбка. Те же темные глаза, глубокие, словно тянущие в себя. Даже нос и форма бровей его. Нет никаких сомнений. Это его дочь.

Меня пронзает буря чувств. Сердце стучит быстрее обычного, в висках пульсирует напряжение. В голове звучит лишь один вопрос: он знает или нет? Если знает – зачем скрывает? Если не знает – как можно было потерять из виду такую очевидность? Как можно было не интересоваться? Он же так любил Кристину! Я же помню! Помню, как он ее добивался!

А потом... Не прошло и года после брака, как все разрушилось! Почему Крис скрыла такую важную информацию?

Хотя... Аналогичная ведь проблема... Я же тоже не буду говорить Джану о беременности. Поэтому должна ее понимать.

Стою как вкопанная, не в силах пошевелиться. Мир вокруг словно растворяется: машины, люди, шум парковки – все уходит на второй план. Есть только эта картина: женщина, которая когда-то была частью нашей семьи. И девочка, которая слишком явно несет на себе черты моего брата. Его кровь...

Пытаюсь выстроить мысли в логическую цепочку, но слишком много вопросов и ни одного ответа. Одно становится предельно ясно: я только что столкнулась с тайной, которая

способна разрушить жизни Кристины и ее дочери. А может, наоборот, будет шанс начать все с чистого листа?

– Крис, – зову я.

Кристина вздрагивает. Увидев меня, заметно бледнеет.

– Ой, тетя! – шепчет малышка. – Мама, это же моя тетя, верно? Тетя Диана.

Глава 11

Мысли складываются в четкую, неоспоримую линию, никаких сомнений уже не остается. Если девочка знает, кто я, значит, Кристина рассказывала о нас, сохраняя связь с нашей семьей хотя бы в словах. Бережно хранила для ребенка образ тети, которую та впервые видит вживую, но узнает сразу.

Я подхожу ближе. Ощущаю теплый, солнечный запах детства – молока, шампуня и леденцов. Смотрю на Кристину и, уловив ее едва заметный кивок, опускаюсь на корточки перед малышкой. Большим пальцем мягко провожу по ее щеке, затем прижимаюсь губами к этому месту, словно ставлю печать нежности, и обнимаю ее. Шепчу в волосы так, чтобы слышала только она:

– Да, это я, твоя тетя Диана.

Отпускаю и снова вглядываюсь в ее лицо – прямой взгляд, кривоватая обезоруживающая улыбка, темные косички с аккуратными резинками.

И меня захватывает тихое изумление: вылитый Дима. Будто две половинки одного яблока. Я ясно вижу: те же глаза, тот же прищур, форма подбородка, даже дуга бровей. В памяти начинают шуршать альбомные страницы, где маленький Дима стоит с точно таким же упрямым наклоном головы и улыбается точно так же, как эта малышка. Только здесь – девочка.

– Сядем где-нибудь, поговорим? – говорю тихо, поднимая взгляд на Кристину.

Крис кивает. Поднявшись, смотрю на нее, нервно сглотнув ком в горле.

– Как ты?

Она сдерживается. Напрягается изнутри, чтобы не расплакаться при ребенке. Глаза наполняются влагой, но голос остается собранным:

– Я хорошо, спасибо. А ты как?

Не выдерживаю: делаю шаг и обнимаю ее. Это не вежливый жест, а необходимость – прикосновение, которое не требует объяснений. В этот момент все искусственно и искренне одновременно: обе мы на грани слез. Потому что слишком одинаковы наши истории – когда любовь рушится внезапно и не по правилам. Когда приходится брать все на себя, а в руках ребенок, делающий тебя сильной и уязвимой.

Прижимаюсь к ней крепче и ясно понимаю: как несправедливо, что их с Димой брак закончился так быстро. Как горько, что у моего брата есть дочь, о которой он не знает. Или, может, просто не хочет знать? Хотя... Каким бы категоричным ни был мой брат, как бы ни ругался... Я помню его мягкую сторону. Ведь таким жестким он стал именно после того, как в его жизни не стало Кристины. Он от всех отстранился, какое-то время перестал общаться даже с родителями.

Как важно сейчас не судить, а услышать и понять друг друга...

– Я очень рада вас видеть. И если ты не против, Крис, давайте где-нибудь сядем, поговорим. Пожалуйста... Тут неподалеку есть ресторан. А внутри – игровая площадка для детей. Или... у вас есть дела?

– Мы приехали на ежемесячный контроль. Уже закончили.

– Контроль?

– Да. Все в порядке. Не переживай. Ты на своей машине?

– Да. Поехали?

– Окей.

Нам нужно серьезно поговорить. Важно узнать, по какой причине Крис все же приняла решение не рассказывать Диме о беременности. Может, он сказал, что не хочет детей? Но это бред. Он их всегда любил. Тем более девочек. Несмотря на то, что терпеть не может Джана,

мою дочь он любит и как минимум два раза в неделю приезжает ее увидеть. Пусть остается ненадолго, но все же достаточно того, что он о ней думает.

Если бы он не переваривал детей, не стал бы интересоваться дочерью человека, которого терпеть не может. Даже если это его собственная племянница.

Это мы с ним как кошка с собакой. А с Айджан он такой заботливый... Будто вовсе не тот Дима, который огрызается каждый раз, когда мы сталкиваемся.

Мы садимся в мою машину. Я завожу двигатель, чувствуя, что сердце бьется быстрее от предвкушения разговора, которого я жду с такой настойчивостью. УЗИ подождет. Сейчас важнее всего понять, что произошло между Кристиной и моим братом.

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида: малышка устроилась в кресле на заднем сиденье, болтает ножками и с интересом разглядывает салон. Решаю не упускать шанс узнать ее ближе, пусть даже через простые вопросы.

– Как тебя зовут, красавица? – спрашиваю я, улыбнувшись.

– Даша.

– Красивое имя, – говорю мягко. – А сколько тебе лет, Даша?

– Мне пять. А скоро будет шесть! – гордо сообщает она, показывая пальчики.

Мы все трое улыбаемся. И эта простая детская откровенность на мгновение снимает напряжение, клубящееся между нами, взрослыми. Тепло заполняет пространство, вытесняя тяжесть.

Мы выезжаем со стоянки и направляемся к ресторану неподалеку. Крис молчит, сжимая ремешок своей сумки, а потом кому-то пишет сообщение.

Ресторан встречает нас мягким светом и спокойной атмосферой. Мы выбираем столик у окна и быстро делаем заказ. Едва официант уходит, Даша просит разрешения у матери. Получив положительный ответ, со смехом вскакивает и мчится в детскую зону. За стеклянной перегородкой виднеются разноцветные горки, мягкие кубики, качели.

Стекло позволяет наблюдать за ней: Даша смеется, карабкается на горку, машет нам рукой. И я понимаю, что этот прозрачный барьер символичен – словно жизнь Кристины и этой девочки все время была за невидимой стеной, доступной взгляду, но недостижимой для прикосновения.

Я перевожу взгляд на Крис. Наши глаза встречаются. На ее лице нет вражды, только усталость и ожидание. У меня есть шанс услышать правду, которую она столько лет носила в себе. И, возможно, впервые за долгое время мы сможем поговорить не как бывшие золовка и невестка, а как женщины, которые слишком хорошо знают цену тишины и горечь потерь.

– Расскажешь? – спрашиваю тихо, подавшись вперед.

– Расскажу. Но могу промолчать в каких-то местах и прошу от тебя понимания. Пожалуйста, не дави, если я не стану отвечать на какой-то твой вопрос...

– Крис, я когда-то на тебя давила?

– Тогда – нет. Но теперь у тебя есть полное право, – выдыхает она. – Дима не хотел детей... А я никогда в жизни не сделала бы аборт.

– Это он тебе сказал, что не хочет детей? Это же неправда! Он любит малышей...

Крис горько усмехается, наблюдая за своей дочерью.

– Нам пришлось развестись, Диана. Он отчетливо дал понять, что только рад тому, что у нас не было детей. После этого я не могла признаться ему... И держать его рядом с собой, манипулируя беременностью... Нашим будущим ребенком. Это было бы подло. Ну и у него была другая...

Последнюю фразу говорит тихо и сразу кусает нижнюю губу. Будто жалеет, что не удержала это в себе.

– Мама сказала, что он тебе изменял. – Знаю, слишком прямо все говорю, но если не так, то я ничего не добьюсь от этого разговора. – Без понятия, как она об этом узнала. Но, кажется,

Дима сам признался, когда родители стали наезжать на него, обвиняя, что он такой идиот, раз отпустил такую прекрасную девушку.

Крис молчит. Не хочет отвечать, чем подтверждает мою догадку.

– Я всю жизнь жила ради дочери...

– Я тоже. – Издаю нервный смешок. – Муж меня бросил, Кристина. У меня тоже есть дочь...

– Бросил? Почему? Он же тебя любил сильно!

– Как и тебя Дима... Нет веры мужикам, Кристина... В чем-то я тебя понимаю... Поэтому не могу давить. Возможно, тогда ты поступила правильно.

Кристина внимательно смотрит мне в глаза, а потом шепчет сдавленным голосом:

– Я застала его с Викторией в одной постели... В нашем доме. А потом он сказал, что не любит меня... Я ушла, скрыв беременность. И ни разу не пожалела... До недавних пор я даже не думала о том, что вернусь в этот город. Но Даша растет. Задаёт очень много вопросов. Она очень упрямая. Заставила мою маму рассказать ей о ее отце... Поэтому она в лицо знает Диму. И тебя тоже. Фотографии видела.

– Ты приехала, чтобы их познакомить? Диму с Дашей?

– Нет-нет... Я не решусь на это никогда. Но, как видишь, судьба сама столкнула нас. Может, бог услышал молитвы Даши и решил ее таким образом обрадовать...

Кристина замолкает, услышав, как звонит мой телефон. На экране – имя брата.

Посмотрев на побледневшую Крис, я принимаю звонок.

– Да, Дима?

– Я забрал Айджан из сада. Еду к вам в квартиру. Ты скоро вернешься? Мама сказала, что тебя нет.

– Через пару часов. Что случилось?

– Ничего... жениться собираюсь. Поговорить надо.

Прикрыв глаза, кусаю губы. Как хорошо, что Кристина не слышит.

– Выкинь эти мысли из головы. Приеду – все обсудим.

– Не понял...

Я выдыхаю. Отключаюсь, но отложить телефон не успеваю. Потому что снова приходит звонок. Но в этот раз от незнакомого номера.

– Да, алло...

Вместо ответа в трубке тишина. А потом... Глубокий вздох и шум дороги, сигналы...

– Алло... Вы меня слышите?

Тишина действует на нервы. Официант приносит заказ, ставит все на стол. А я не спешу отключаться.

Звонок явно от мужчины. По дыханию понимаю. Бред какой-то... Что происходит? Почему он молчит? И кто он вообще, черт возьми?

– Джан, поехали? – слышу в трубке женский голос, после чего сразу же раздаются короткие гудки.

Сердце разрывается... Джан. А рядом с ним женщина... Зачем он звонил? Тем более при ней? Чего хотел? Напомнить о себе, чтобы причинить мне еще большую боль?

Глава 12

Мысли тянутся в разные стороны. Как нити, которые невозможно собрать в один узел. С одной стороны, звонок с незнакомого номера от Джана. Тишина после несостоявшегося разговора давит сильнее самого звонка. Чего он хотел? Сказать что-то важное? Услышать мой голос? Или просто проверить, доступна ли я? И почему не заговорил? Стыдно стало? Эти вопросы сверлят изнутри, не давая покоя.

С другой стороны – Кристина и ее дочь Даша. Смешинка в глазах, улыбка, и все это – отражение Димы. Я не могу выбросить из головы ни ее лица, ни очевидной истины: мой брат – отец девочки, которой почти шесть лет.

Но как сказать ему об этом? Как объяснить, не разрушив тот мир, что с такой сложностью Крис построила без него? Я видела, как она нервничала. Она смотрела на меня с мольбой, когда я говорила, что надо Диму осведомить. Нельзя всю жизнь скрывать такую правду. Она вроде бы согласилась. Но нехотя.

Вечерний город будто разделяет со мной это смятение. Нет привычной праздничной картинки, только будничность: огни витрин, рваный свет фар, редкие прохожие с пакетами. Запах кофе, вылетающий из открытой двери маленькой кофейни. Все это напоминает, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Она равнодушна к чужим драмам, но в этом равнодушии – и утешение, и опора.

Сегодня к врачу я так и не попала. Слишком много событий... Встреча, которую нельзя было отложить. Но завтра поеду обязательно. Не могу жить в догадках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.